

М. М. Кром

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия. krom@eu.spb.ru

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РОССИИ 30-х гг. XVI в.

Статья содержит критический обзор новейшей литературы, посвященной политической борьбе в Московском государстве 30-х гг. XVI в. Обсуждаются такие дискуссионные вопросы, как состав опекунов или душеприказчиков при малолетнем Иване IV, обстоятельства ареста князя Юрия Дмитровского, Старицкий мятеж, внутренние основания режима личной власти Елены Глинской и связь ее правления с династическим кризисом 1530-х гг. Особое внимание уделяется источниковедческим и институциональным аспектам рассматриваемой темы.

Ключевые слова: Московское государство, династический кризис, удель, Елена Глинская, прозопография, источниковедение

Издав в 2010 г. монографию о политическом кризисе в годы так называемого «боярского правления», автор этих строк продолжил с интересом следить за новой литературой по истории 30–40-х гг. XVI в. Особым вниманием исследователей пользовалось недолгое правление Елены Глинской: за минувшие десять с небольшим лет вышел целый ряд статей о различных аспектах политической истории 1530-х гг.: завещании Василия III [Шапошник, 2009; Корзинин, 2014], событиях лета 1534 г. [Шапошник, 2012б], судьбе удельных князей и их дворов [Бенцианов, 2010а; Бенцианов 2010б; Бенцианов, 2012; Бенцианов, 2013; Шапошник, 2012а; Шапошник, 2013].

Недавно увидели свет и две обобщающие работы: книга А. Л. Юрганова о политической борьбе в годы правления Елены Глинской [Юрганов] и монография В. В. Шапошника на ту же тему [Шапошник, 2020]. Впрочем, новой, по сути, является лишь вторая из упомянутых книг, поскольку работа Юрганова представляет собой издание – без каких-либо дополнений – кандидатской диссертации того же автора, защищенной в 1987 г. По неизвестным причинам исследователь, публикуя через тридцать с лишним лет после защиты свою диссертацию, никак не отреагировал на новую литературу по той же теме, появившуюся за минувшие десятилетия; не ответил он и на прозвучавшую критику в свой адрес [Скрынников, с. 81–82; Кром, 2010, с. 64]. Поэтому, хотя на обложке книги А. Л. Юрганова значится 2019 г., по сути, она остается памятником историографии 1980-х гг. Тем не менее ряд наблюдений ученого по-прежнему сохраняют свою актуальность и, как будет показано далее, активно используются в современных дискуссиях.

Ниже следующие полемические заметки представляют собой развернутый комментарий к новейшим публикациям по истории 1530-х гг., основанный на собственных многолетних исследованиях автора.

* * *

Одной из загадок истории России XVI в. остается тайна не дошедшего до нас завещания Василия III: несколько поколений историков пытались ее разгадать, опираясь, главным образом, на текст летописной повести о болезни и смерти великого князя (обзор высказанных точек зрения см.: [Кром, 2010, с. 56–65; Шапошник, 2020, с. 12–21]). Уже в наши дни очередную попытку такого рода предпринял А. Л. Корзинин; впрочем, на мой взгляд, вряд ли ее можно признать удачной.

Еще в студенческой работе, опубликованной в 1999 г., исследователь обратил внимание на описание предсмертного совещания Василия III со своими приближенными в Постниковском

летописце: там перечислены десять сановников (бояре князя В. В. и И. В. Шуйские, М. С. Воронцов, М. Ю. Захарьин, М. В. Тучков, а также князь М. А. Глинский, тверской дворецкий И. Ю. Шигона Поджогин, казначей П. И. Головин и дьяки М. Путятин и Ф. Мишури), которые выслушали государев наказ: «И приказав им о своем сыну великом князи Иване Васильевиче и о устроении земском, и како бы тии правити после его государства»¹. А. Л. Корзинин решил, что слово «тии» в процитированной фразе – это указательное местоимение, относящееся к перечисленным лицам, а следовательно, именно им и было поручено править государством после смерти великого князя; эти десять сановников и составили регентский совет [Корзинин, 1999, с. 106].

В книге «Вдовствующее царство» я оспорил указанную гипотезу, высказав предположение, что она основана на неверном разделении текста на слова в издании Постниковского летописца [Кром, 2010, с. 65]. Однако А. Л. Корзинин не согласился с этой критикой и в новой статье привел фотокопию соответствующего листа Постниковского летописца, чтобы продемонстрировать, что издатели точно воспроизвели текст рукописи [Корзинин, 2014, с. 8].

Действительно, на фотоснимке видно, что в рукописи между слогами «бы» и «ти» в интересующей нас фразе имеется пробел. Но что из этого следует? Нужно еще доказать, во-первых, что этот пробел не случаен и несет определенную смысловую нагрузку и, во-вторых, что предложенное издателями Постниковского летописца чтение (со словом «тии» в середине), на правильности которого настаивает А. Л. Корзинин, полностью соответствует языковым нормам XVI в. Однако таких доказательств исследователь не привел.

Между тем словари древнерусского языка не знают указательного местоимения «тии»: в мужском роде единственного числа употреблялась форма «ть», перешедшая затем в «тот» или «той», а во множественном числе – «ти» [Якубинский, с. 186, 196–197]. Более того, чтобы приведенная выше фраза имела смысл, предполагаемое указательное местоимение должно стоять в дательном падеже: «... како бы *тем* правити после его государства», чего мы в тексте Постниковского летописца не видим. Наконец, если присмотреться на фотокопии к написанию загадочного слова «тии», можно заметить, что над второй буквой «и» стоит знак придыхания и такие же знаки стоят над всеми союзами «и» на воспроизведенной странице рукописи. Очевидно, писец считал эту букву отдельным словом (в современной терминологии – союзом), а не окончанием несуществующего слова «тии».

Таким образом, есть все основания считать упомянутый пробел между слогами «бы» и «ти» простой случайностью, причем это – индивидуальная особенность именно Постниковского списка летописной Повести о смерти Василия III, поскольку в Воскресенском списке Софийской II летописи, отразившем ту же раннюю редакцию Повести, в соответствующей фразе, как показал сам А. Л. Корзинин, нет никаких интервалов между словами [Корзинин, 2014, с. 9]. Издатели Софийской II летописи в середине XIX в. разделили текст на слова по смыслу, получилась совершенно ясная фраза: «и приказав им о своем сыну великом князе Иване Васильевиче, и о устроении земском, и како быти и правити после его государства»².

На этом, я полагаю, в нашем «филологическом» споре с А. Л. Корзининым можно поставить точку. Но остаются источниковедческий и институциональный аспекты проблемы. По сути, А. Л. Корзинин присоединился к мнению тех ученых, которые видели в описанных в Повести совещаниях у постели умирающего государя момент создания какого-то органа власти: «правительства» [Сергеевич, с. 399], «совета регентства» [Пресняков, с. 79] или «опекунского совета» [Скрынников, с. 83], – который должен был управлять страной до возмужания юного Ивана IV. Но насколько хорошо обоснованы эти гипотезы?

В свое время, приступая к изучению эпохи «боярского правления», я тоже находился под влиянием господствующей историографической традиции и пользовался термином

¹ ПСРА. М., 1978. Т. 34. С. 21.

² ПСРА. СПб., 1853. Т. 6. С. 272.

«регентский совет» [Кром, 1996], но впоследствии отказался от этой терминологии. В книге «Вдовствующее царство» я пришел к выводу о том, что институт регентства в России описываемого времени еще не сложился и что последние распоряжения Василия III не предполагали создания каких-либо новых должностей или органов власти [Кром, 2010, с. 71, 81–82, 164].

В самом деле, если присмотреться к центральному эпизоду летописной Повести, который чаще всего привлекал внимание исследователей, а именно к описанию «думы» Василия III с близкими людьми о своей духовной, то первое, что бросается в глаза, – это экстренный характер совещания, созванного в кремлевских палатах вскоре после возвращения тяжело больного государя в Москву. «Дума» была собрана, как выразился в свое время В. И. Сергеевич, «на случай» [Сергеевич, с. 399], то есть по конкретному срочному поводу и с определенной целью. И ничто не указывает на то, что этой «думе» отводилась роль некоего постоянного органа (регентского совета?), который должен был в том же составе заседать и после смерти великого князя.

Поначалу Василий III призвал к себе бояр князя В. В. Шуйского, М. Ю. Захарьина, М. С. Воронцова, казначея П. И. Головина, тверского дворецкого И. Ю. Шигону Поджогина и дьяков М. Путятину и Ф. Мишурина. Затем он «прибави к себе в думу к духовной грамоте» еще троих: князя И. В. Шуйского, М. В. Тучкова и князя М. А. Глинского. С этими десятью советниками великий князь стал «думати» и «приказывати о своем сыну великом князе Иване, и о великой княгине Елене, и о своем сыну князи Юрьи Васильевичи, и о своей духовной грамоте»³ – так определяет летописец круг вопросов, ставших предметом обсуждения государя и его думцев.

Когда духовная была написана, Василий III снова призвал к себе тех же советников – это было 3 декабря, в последний день жизни великого князя, – и тогда прозвучали процитированные выше слова: государев «приказ» о сыне-наследнике, об «устроении земском» и об управлении страной после его кончины.

Безусловно, само включение названных лиц в состав «думы», обсуждавшей вопросы государственной важности, было знаком большого доверия к ним со стороны Василия III. Но видеть в приведенных словах великого князя свидетельство передачи этим сановникам каких-то особых полномочий, как это подчас делается в литературе, на мой взгляд, нет оснований. Да и какие дополнительные полномочия он мог бы им дать? За исключением князя М. А. Глинского, все остальные участники совещания у постели умирающего и так занимали высокие посты в придворной иерархии и административном аппарате: пятеро (князья Шуйские, Захарьин, Тучков и Воронцов) носили боярский чин, а еще четверо принадлежали к верхушке приказной бюрократии. По-видимому, Василий III рассчитывал, что они используют свой авторитет и влияние для исполнения его последней воли.

Вероятно, еще бóльшим доверием великого князя пользовались трое советников – М. Ю. Захарьин, князь М. А. Глинский и И. Ю. Шигона, – которые остались 3 декабря у государя до самой ночи после отпуска остальных думцев. Именно они выслушали самые последние распоряжения государя: «и приказав о своей великой княгине Елене, и како ей без него быти, и како к ней бояром ходити, и о всем им приказа, како без него царству строитися»⁴.

Исходя из контекста, можно предположить, что этих троих, Захарьина, князя Глинского и Шигону, Василий III сделал своими душеприказчиками и поручил им, как заметил еще А. Е. Пресняков, опеку «над положением великой княгини» [Пресняков, с. 79]. Разумеется, и в этом случае можно говорить только о поручении государя особо доверенным лицам, а не о создании какого-то официального органа типа «регентского совета».

³ Там же. С. 270. Так же в Постниковском летописце: ПСРА. Т. 34. С. 20.

⁴ ПСРА. Т. 6. С. 272. Так же в Постниковском летописце: ПСРА. Т. 34. С. 21.

Но в летописной Повести прямых указаний на сей счет нет, что оставляет простор для различных интерпретаций. Поэтому необходимо привлечение других источников, среди них – свидетельство псковского летописца, на которое уже давно обратили внимание исследователи: по словам этого летописца, Василий III «приказа великое княжение сыну своему большому князю Ивану... и приказа его беречи до 15 лет своим бояром не многим»⁵.

Отказываясь видеть в этом летописном свидетельстве аргумент в пользу моей версии о «триумвирате» душеприказчиков, А. Л. Корзинин указывает на то, что из трех предполагаемых опекунов боярином был только М. Ю. Захарьин, что И. Ю. Шигона был незнатного рода, а князь М. Л. Глинский не пользовался авторитетом и влиянием в придворной среде [Корзинин, 2014, с. 9–10]. Однако эти возражения чересчур формальны и не затрагивают сути дела. Разве не мог псковский летописец употребить слово «бояре» в обобщенном смысле – «вельможи», «сановники»? Такое словоупотребление вполне обычно для летописания⁶. А что касается чинов, знатности и влияния упомянутых лиц, то есть основания полагать, что Василий III, назначая душеприказчиков, руководствовался отнюдь не подобными критериями, а лишь доверием к этим людям. И в любом случае, выражение «бояре немногие» гораздо больше соответствует предполагаемому мной «триумвирату», чем той группе из десяти человек, которую считает «опекунским советом» А. Л. Корзинин.

Существует еще один важный источник, который позволяет понять, почему выбор Василия III при назначении душеприказчиков в декабре 1533 г. пал, скорее всего, именно на Захарьина, Глинского и Шигону Поджогино. Речь идет о составленном незадолго до смерти Василия III, в 1531/1532 г., завещании его духовного отца – протопопа кремлевского Благовещенского собора Василия Кузьмича. Документ был введен в научный оборот и детально проанализирован В. Б. Кобриным [Кобрин, с. 50–55].

Обращает на себя внимание список душеприказчиков протопопа: «А приказываю душу свою, и жену свою, и сына своего великим господам своим: князю Михаилу Лвовичю Глинскому, да Михаилу Юрьевичю Захарьича, да Ивану Юрьевичю Шигона (так в рукописи. – М. К.), да дияку Григорью Микитичю Меньшому Путятину, да Русину Ивановичю во всем»⁷.

Родовое прозвание пятого душеприказчика установил В. Б. Кобрин: это – Русин Иванович Семенов [Кобрин, с. 51]; из летописного сообщения мы знаем, что он был великокняжеским постельничим⁸.

Едва ли можно считать простым совпадением тот факт, что трое из пяти душеприказчиков государева духовника спустя полтора-два года оказались именно теми лицами, которым Василий III отдал перед смертью последние распоряжения относительно своей жены и об «устроении царства». По справедливому замечанию В. Б. Кобрин, «такой подбор душеприказчиков демонстрирует удивительную близость окружения духовных отца и сына – протопопа и великого князя всея Руси» [Кобрин, с. 50].

Предполагаемые «триумвиры» упоминаются в документах конца 1533 – начала 1534 г.; наибольшим влиянием из них в первые месяцы после смерти Василия III, по-видимому, обладал дворецкий Шигона, а князь М. Л. Глинский, наоборот, быстро потерял влияние, а затем и свободу (см.: [Кром, 2010, с. 98–101, 103–105]). Но чего в источниках нет, так это следов деятельности мифического коллективного органа, именуемого в историографии «регентским» или «опекунским советом».

⁵ Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 106.

⁶ В таком обобщенном смысле слово «бояре» употребляется, например, в летописной Повести о смерти Василия III (см.: ПСРА. Т. 34. С. 20, 21).

⁷ ОР РГБ. Ф. 303/1 (Грамоты, копияные книги Троице-Сергиевой лавры). № 281. Л. 3.

⁸ ПСРА. М., 2004. Т. 43. С. 231.

Наконец, в пользу версии о «триумvirате» косвенно свидетельствуют зафиксированные в Литве и Польше ранние известия об опекунах, назначенных Василием III при своем сыне-наследнике. Этот пласт информации мы рассмотрим ниже.

Недавно В. В. Шапошник сделал важное наблюдение, существенно расширяющее наши представления о содержании исчезнувшего завещания Василия III. Исследователь обратил внимание на перечень бояр, упомянутых в духовной этого государя, содержащийся в одной из дополнительных статей к Новгородской летописи по списку П. П. Дубровского [Шапошник, 2020, с. 21].

Подобные перечни были известны и ранее: так, в дополнительных статьях к Типографской летописи среди родословных памятей приведены имена бояр, которые «писаны» в духовных Дмитрия Донского, Василия I и Василия II⁹.

Особенностью сборника Дубровского является то, что после статей с именами бояр в духовных трех упомянутых великих князей добавлена еще одна статья. Она гласит: «В духовной грамоте государя великого князя Василья Ивановича всеа Руси, а во иноцех нареченнаго Варлама, писаны князи и бояре: князь Васильи Васильевич Шуйской, да князь Иван Шуйской, да князь Борис Иванович Горбатой, Михайло Семенович Воронцов, Михайло Васильевич Тучков, Михайло Юрьев»¹⁰.

Сравнение с текстами сохранившихся великокняжеских грамот не оставляет сомнений в том, что речь идет о боярах, записанных в качестве свидетелей, причем порядок их перечисления в родословных памятях точно следует соответствующим перечням в духовных Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича, а с духовной Василия Васильевича имеются некоторые разночтения¹¹.

Таким образом, есть основания полагать, что мы теперь не только знаем имена бояр-свидетелей из пропавшей духовной Василия III, но и – с большой долей вероятности – знаем порядок, в котором они были там перечислены.

Однако В. В. Шапошник не удовлетворился сделанным им наблюдением и высказал предположение, что названные выше шестеро бояр не только выступили свидетелями духовной Василия III, но и получили особые (регентские) полномочия по управлению страной [Шапошник, 2020, с. 45]. Помимо регентов, великий князь, по мнению того же исследователя, назначил опекунов для своей семьи: ими стали князь М. А. Глинский, М. Ю. Захарьин и И. Ю. Шигона [Шапошник, 2020, с. 48].

Вторая часть гипотезы В. В. Шапошника кажется мне вполне правдоподобной, а вот с первой частью согласиться невозможно, поскольку она не опирается на какие-либо свидетельства источников. В летописной Повести о смерти Василия III, нашем главном источнике сведений о последних распоряжениях государя, никак не выделена группа из шести бояр (князей В. В. и И. В. Шуйских, князя Б. И. Горбатого, М. С. Воронцова, М. В. Тучкова и М. Ю. Захарьина), перечисленных в родословной памяти в составе сборника Дубровского. К ним великий князь не обращался особо с какими-либо наказаниями или поручениями. Более того, как справедливо отметил А. Л. Корзинин, комментируя гипотезу В. В. Шапошника, князь Б. И. Горбатый вообще не упомянут среди советников, обсуждавших с государем наиболее важные дела [Корзинин, 2014, с. 11].

Еще один возможный аргумент против гипотезы В. В. Шапошника в свое время сформулировал А. Л. Юрганов: изучив завещательную традицию великокняжеского дома,

⁹ ПСРА. Пг., 1921. Т. 24. С. 232.

¹⁰ ПСРА. Т. 43. С. 261.

¹¹ ДДГ. № 12. С. 36–37 (2-я духовная великого князя Дмитрия Ивановича); № 21. С. 59 (2-я духовная Василия I, ок. 1417 г.); № 61. С. 198 (духовная Василия II).

ученый пришел к выводу, что бояре по своему статусу могли выступать лишь в роли «послухов» у духовной, а душеприказчиками и опекунами великокняжеской семьи могли быть только лица более высокого ранга [Юрганов, с. 52, 60]. Этот вывод, однако, кажется слишком категоричным: сама завещательная традиция менялась со временем; к тому же, как давно замечено в литературе, отнюдь не все распоряжения великих князей вносились в их духовные (см. подробнее: [Кром, 2010, с. 71]). Более того, после обнаружения списка бояр-свидетелей, упомянутых в духовной Василия III, стало известно, что в числе «послухов» был М. Ю. Захарьин, а вместе с тем есть основания полагать, что он был назначен одним из душеприказчиков великого князя и опекунов его семьи.

Сам В. В. Шапошник парирует аргумент А. Л. Юрганова ссылкой на документ начала 1560-х гг. – крестоцеловальную запись группы придворных чинов во главе с князем И. Ф. Мстиславским, составленную по случаю второго брака Ивана IV и в связи с написанием нового царского завещания. Ученый видит в списке подписавшихся состав регентского совета при будущем наследнике – малолетнем царевиче Иване Ивановиче и считает «запись» доказательством того, что бояре могли выполнять функции регентов [Шапошник, 2020, с. 48].

Однако в самом документе ничего не говорится о передаче кому-либо властных полномочий: «запись» представляет собой присягу князя И. Ф. Мстиславского и еще семи высокопоставленных лиц, обязавшихся в случае смерти Ивана IV верно служить его сыну и наследнику – царевичу Ивану Ивановичу, царице Марии и младшему сыну Федору и «правити» им во всем по царской духовной грамоте «в правду безо всякие хитрости»¹².

О «регентском» или «опекунском совете» применительно к событиям начала 1560-х гг., как и применительно к 1533 г., принято писать в литературе (см., например: [Скрынников, с. 142–143]), но в источниках подобных терминов нет. Хотя в течение XVI в. потребность в регентстве возникала неоднократно, этот институт как официально признанный и регламентированный порядок управления так и не сложился [Кром, 2010, с. 603–614].

* * *

Я так подробно остановился на загадке завещания Василия III и связанных с ней вопросах, поскольку ни один другой сюжет из истории 1530-х гг. не вызвал столь долгой, не прекращающейся до сих пор дискуссии и не породил такое количество различных версий и интерпретаций. Между тем существует немало иных проблем, заслуживающих внимания исследователей той эпохи.

Это, в частности, относится к загадочным обстоятельствам ареста в декабре 1533 г. удельного князя Юрия Дмитровского. Основные летописные версии этих событий – в Воскресенской летописи и Летописце начала царства – прямо противоречат друг другу, а остальные сохранившиеся свидетельства слишком лапидарны и мало информативны (обзор источников см.: [Шапошник, 2020, с. 55–61]). В этих условиях наиболее обоснованным мне по-прежнему кажется вывод, к которому более 30 лет назад пришел в своей диссертации А. Л. Юрганов: «однозначно судить о намерениях Юрия после смерти Василия III нельзя» [Юрганов, с. 133].

Однако новейший исследователь эпохи 1530-х гг. В. В. Шапошник полагает, что у Юрия Дмитровского, оказавшегося после смерти его державного брата в очень трудном положении, не было другой возможности сохранить жизнь и свободу, как «пойти “ва-банк”, попытаться самому занять престол. Только это прочно гарантировало его безопасность» [Шапошник, 2020, с. 70]. Но эта смелая гипотеза, приписывающая удельному князю готовность к решительным действиям, не имеет надежной опоры в сохранившихся источниках.

¹² СГГД. М., 1813. Ч. 1. № 174. С. 474–475.

Все, что нам известно, – это то, что Юрий звал к себе на службу князя А. М. Шуйского (ранее уже пытавшегося к нему отъехать вместе с братом Иваном). Был ли этот демарш дмитровского князя неосторожным шагом с его стороны, имевшим роковые последствия, или началом реализации далеко идущих честолюбивых планов – за неимением данных сказать невозможно.

Как показал М. М. Бенцианов в статье, не попавшей в поле зрения В. В. Шапошника, состав Дмитровского двора в годы правления Василия III находился под бдительным контролем великокняжеской власти: переходы служилых людей из удела на московскую службу поощрялись, а попытки самовольного «отъезда» знатных лиц из Москвы в Дмитров жестко пресекались. Принципиально важен вывод исследователя о том, что порядки в удельном княжестве были близки к тем, что существовали на основной территории Русского государства: Дмитров вовсе не был оплотом удельных традиций. По словам М. М. Бенцианова, «удельная крамола», если о ней вообще можно вести речь, ограничивалась личными амбициями Юрия Дмитровского и не распространялась на его вассалов» [Бенцианов, 2010б, с. 68].

Как следует из наблюдений М. М. Бенцианова, в случае открытого конфликта с великокняжеским правительством удельный князь не мог рассчитывать на полную лояльность даже собственных служилых людей: не этим ли объясняется нерешительность князя Юрия в декабрьские дни 1533 г.? Показательно также, что, по данным того же исследователя, государева опала в связи с «поиманием» Юрия Дмитровского затронула лишь ограниченное число его бояр и дьяков и была непродолжительной, а многие удельные дети боярские сохранили свои поместья, перейдя на великокняжескую службу [Бенцианов, 2010б, с. 63–64].

Современные исследователи сходятся в том, что, вопреки утверждению официального Летописца начала царства, Василий III отнюдь не возложил на жену «все правление великого государства»¹³ и что реальную власть Елена Глинская получила в результате длительной придворной борьбы, избавившись от навязанной ей покойным мужем опеки. Большинство историков считает, что это произошло после августовских событий 1534 г., когда был арестован ряд знатных лиц и в том числе дядя великой княгини, князь М. Л. Глинский [Юрганов, с. 84, 90–95; Кром, 2010, с. 109–111; Шапошник, 2020, с. 197]. Особого мнения придерживается А. Л. Корзинин, полагающий, что «костяк» регентского совета продолжил существовать и после лета 1534 г. и что, судя по внешнеполитическим документам, рост влияния великой княгини на государственные дела стал заметен лишь с конца 1535 – начала 1536 г. [Корзинин, 2007, с. 21, 23].

Поскольку отечественные источники очень скупо говорят о борьбе при московском дворе после смерти Василия III, историки, начиная с И. И. Смирнова, активно привлекали для ее изучения некоторые документы литовского происхождения и, в частности, донесения о ситуации в России, которые получал от полоцкого воеводы Яна Глебовича король Сигизмунд I летом и осенью 1534 г. Недавно, однако, А. Л. Корзинин выразил недоверие этим источникам, наполненным, по его словам, «до краев слухами»: «В Великое княжество Литовское попадали самые разнообразные слухи о положении дел в Московии, о тех, в чьих руках находится власть. ... Слухи есть слухи, и вряд ли им можно доверять» [Корзинин, 2014, с. 11].

С приведенным мнением трудно согласиться. Прежде всего, нужно отметить, что даже не подтвержденные впоследствии слухи представляют несомненную ценность для историка, ибо они служат своего рода барометром общественных настроений, отражая ожидания, страхи и надежды современников. Так, главным «героем» известий из Московии, приходивших в литовскую столицу в декабре 1533 – январе 1534 г., стал брат покойного Василия III Юрий: сначала молва объявила его опекуном юного наследника престола; затем появились слухи о намерении Юрия самому стать великим князем, и, наконец, к середине января стало известно о его аресте и о том, что опекунами являются «трое других господ» (см.: [Кром, 2010, с. 72–75]).

¹³ ПСРА. М., 1965. Т. 29. С. 10.

А для тревожной атмосферы лета 1534 г. весьма характерен слух, принесенный в Литву беглыми смоленскими помещиками Коверзинными, которые сообщили о смерти малолетнего великого князя и его младшего брата¹⁴. Слух, разумеется, оказался ложным, но он показывает, чего тогда ожидали и во что охотно верили подданные юного московского государя.

Однако информация о положении дел в Московии, которой располагали при виленском дворе, состояла отнюдь не только из непроверенных слухов. Рассматривая в динамике известия, получаемые советниками Сигизмунда I в конце 1533 – начале 1534 г., можно заметить, как постепенно корректировалась картина событий, и в январском сообщении о «трех господах», которым Василий III поручил опеку над своим сыном, нетрудно увидеть «триумвират» душеприказчиков, на который указывают проанализированные выше источники отечественного происхождения. А в Хронике Бернарда Ваповского, над которой королевский историограф работал незадолго до своей смерти в ноябре 1535 г., назван по имени один из этих «господ»: по словам хрониста, «Василий, князь московитов», оставил по завещанию своим наследником четырехлетнего (так!) сына и при нем – «трех правителей, которым больше всего доверял; среди них был Михаил Глинский, литовец...»¹⁵.

Заслуживают доверия и отличаются высокой информативностью показания польского жолнера Войтеха, проведенного в русском плену около 20 лет и бежавшего из Москвы 2 июля 1534 г., а также записанные в сентябре того же года в Полоцке «речи» псковских беглецов – «большого» наместничьего дьяка Родивона и его спутников. Войтех как очевидец перечислил воевод, стоявших с полками на берегу Оки (нескольких из них он знал в лицо), и назвал «старших воевод», безотлучно находившихся в Москве¹⁶. А псковичи, среди прочего, сообщили об арестах, последовавших за бегством в Литву князя С. Ф. Бельского и И. В. Ляцкого¹⁷. Эти ценные сведения уже давно введены в научный оборот и постоянно цитируются в современной литературе, в том числе в статье самого А. Л. Корзинина [Юрганов, с. 38–39, 46; Корзинин, 2007, с. 22; Шапошник, 2020, с. 87–88, 102, 104, 207].

Рамки статьи вынуждают меня ограничиться приведенными примерами, но вывод, я полагаю, ясен: гиперкритицизм в отношении документов польско-литовского происхождения ничем не оправдан. Как и всякий источник, они нуждаются в критической проверке, но при соблюдении этого условия содержащийся в них пласт информации о Московии 1530-х гг. серьезно дополняет сведения отечественных источников.

Самым драматическим событием времени правления Елены Глинской стал так называемый Старицкий мятеж. В заслугу новейшему исследователю этой темы В. В. Шапошнику можно поставить уточнение хронологии событий и попытку выяснить последовательность действий и намерения сторон [Шапошник, 2020, с. 155–190]. Общая же трактовка упомянутого внутривосточного конфликта остается в рамках парадигмы, предложенной в свое время А. Л. Юргановым: в отличие от работ И. И. Смирнова и А. А. Зимина конца 1950-х – начала 1960-х гг., нынешние исследователи не видят в Старицком уделе оплота «феодалской реакции» и угрозы единству страны, а сам конфликт между князем Андреем и московским правительством рассматривают в контексте борьбы претендентов за великокняжеский престол [Юрганов, с. 130, 134; Шапошник, 2020, с. 194–195].

¹⁴ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI века. М.; Варшава, 2002. № 31. С. 86.

¹⁵ Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec... część ostatnia, czasy podługoszowskie obejmująca (1480–1535). Kraków, 1874. S. 249.

¹⁶ Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки... № 39. С. 99.

¹⁷ Там же. № 46. С. 116.

В книге В. В. Шапошника о судьбе Андрея Старицкого говорится с явным сочувствием, а инициативу обострения отношений между ним и центральным правительством ученый вслед за Р. Г. Скрынниковым и автором этих строк приписывает Елене Глинской и ее окружению [Скрынников, с. 87; Кром, 2010, с. 168–169, 185, 216, 220; Шапошник, 2020, с. 151]. Показательно также, что слово «мятеж» применительно к событиям 1537 г. в современной историографии часто употребляется в кавычках [Бенцианов, 2012, с. 66; Бенцианов, 2013, с. 17, 18, 24, 26; Шапошник, 2013; Шапошник, 2020, с. 112 и сл.; Бенцианов, 2021, с. 125, 149].

Для понимания хода и исхода противостояния Андрея Старицкого и правительства Елены Глинской важны наблюдения М. М. Бенцианова о составе двора удельного князя (эта статья, как и другие работы того же исследователя, осталась неизвестна В. В. Шапошнику). Выяснилось, что виднейшие старицкие бояре – князья Пенинские, Пронские, Б. И. Палецкий и др. – имели близких родственников при великокняжеском дворе. С другой стороны, удельная знать породнилась между собой и с самим князем Андреем Ивановичем. Поэтому, по словам М. М. Бенцианова, «верхушка старицкого двора была заинтересована в поддержании мирных, союзнических отношений с московским правительством». При этом они по своему положению и родству не могли не поддерживать князя Андрея. «Неудивительно, – заключает исследователь, – что в итоге ситуация разрешилась миром» [Бенцианов, 2012, с. 76].

Еще важнее общий вывод М. М. Бенцианова о том, что, хотя сама Елена Глинская и ее окружение были враждебно настроены по отношению к удельным князьям Юрию Дмитровскому и Андрею Старицкому (что вполне понятно в условиях малолетства Ивана IV), московская аристократия в целом была заинтересована в сохранении удельной системы: служба в уделах была менее обременительна, чем государева, а при наличии влиятельной родни в Москве вполне возможен был обратный переход и продолжение успешной карьеры при великокняжеском дворе [Бенцианов, 2013, с. 22–24]. Поэтому исследователь видит определенную логику как в самом «мятеже» 1537 г., так и в последующем восстановлении Старицкого удела: «Оба эти события были отражением существующих при московском дворе политических традиций, демонстрируя их крайние формы в условиях продолжающейся борьбы за власть» [Бенцианов, 2013, с. 26] (материал статьи частично включен в только что вышедшую книгу: [Бенцианов, 2021, с. 124–126, 138–141, 154–156]).

Андрей Старицкий умер в заточении 10 декабря 1537 г., а всего несколько месяцев спустя, 3 апреля 1538 г., скончалась и Елена Глинская. Большинство современных исследователей скептически относятся к версии о ее отравлении [Юрганов, с. 131; Кром, 2010, с. 229–230; Шапошник, 2020, с. 219, 221; Halperin, p. 31–31]. Но сама внезапность смерти великой княгини и последовавшая затем расправа с ее фаворитами (князем И. Ф. Овчиной Оболенским и Аграфеной Челядниной – мамкой Ивана IV), а также освобождение опальных наводят на мысль о внутренней непрочности режима Елены Глинской, который отнюдь не случайно оказался столь непродолжительным.

О «хрупкости» созданной при Елене «властной конструкции» пишет и В. В. Шапошник [Шапошник, 2020, с. 213], однако исследователь не поясняет, что обусловило эту «хрупкость».

Прежде всего, бросается в глаза узость того круга лиц в придворной среде, на чью безусловную лояльность могла рассчитывать великая княгиня. В. В. Шапошник справедливо отметил активную поддержку, которую оказывал ей митрополит Даниил [Шапошник, 2020, с. 198–201]. Кроме того, благодаря родственным связям самой Елены Глинской и ее фаворита князя И. Ф. Овчины Телепнева к лагерю сторонников правительницы принадлежали князья Оболенские и Пенковы-Ярославские, а также Челяднины и некоторые другие семейства. Но гораздо больше было знатных родов, чьи представители пострадали за несколько лет

правления Елены Глинской: князья Бельские, Шуйские, Воротынские, Трубецкие и даже сами Глинские; сюда же относятся арестованные бояре Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, имевшие влиятельных родственников при московском дворе.

При этом нужно учесть, что официально Елена Глинская отнюдь не обладала всей полнотой власти; суверенным главой государства считался юный Иван IV: к нему отправлялись иностранные посольства и только от его имени выдавались официальные грамоты [Кром, 2010, с. 128–136]. Поэтому с точки зрения управления страной мать государя вовсе не являлась незаменимой фигурой.

Что же заставляло придворную элиту несколько лет терпеть властолюбивую и скорую на расправу правительницу и ее фаворита? Ответ, я думаю, кроется в обстановке династического кризиса, в который после смерти Василия III погрузилась страна. Мать Ивана IV стала естественным лидером тех сил, что сплотились вокруг юного великого князя перед лицом возможных претендентов на престол, которых видели в удельных князьях Юрии и Андрее. Как только угроза была ликвидирована и последний претендент умер в темнице, надобность в правительнице отпала...

Оценивая в целом достижения последнего десятилетия в изучении интересующей нас эпохи, на первое место я бы поставил упомянутые выше просопографические исследования М. М. Бенцианова: хотя они лишь косвенно затрагивают события 1530-х гг., но зато дают ключ для их переосмысления.

Успехи собственно политической истории гораздо скромнее. Теперь мы знаем наконец список бояр-свидетелей, упомянутых в завещании Василия III, но новые попытки реконструкции состава так называемого регентского совета при юном Иване IV, на мой взгляд, ничуть не убедительнее ранее предложенных версий.

Более того, с сожалением приходится констатировать характерное для новейшей литературы, посвященной эпохе 1530-х гг., сужение круга используемых источников. Это в особенности относится к работам В. В. Шапошника. По непонятной причине исследователь не стал обращаться к архивным документам, и поэтому вне поля его зрения осталась важная для изучения придворной иерархии «крымская» посольская книга 1530-х гг.¹⁸, а о не полностью изданном комплексе документов по «делу» Андрея Старицкого¹⁹ ученый вынужден судить по выдержкам в моей книге.

Но и опубликованные источники используются В. В. Шапошником лишь выборочно. Так, из документов бывшего Радзивилловского архива, содержащих разведывательную информацию о Московском государстве, ученый привлек лишь два (упомянутые выше показания Войтеха и псковских перебежчиков 1534 г.), а польские источники вообще оставил без внимания – вероятно, как не заслуживающие доверия. Полностью проигнорирован актовый материал: жалованные, указные, правые и духовные грамоты рассматриваемого времени.

Однако главный недостаток недавно вышедшей монографии В. В. Шапошника (2020) я вижу в отсутствии в ней некоего «стержня», то есть центральной проблемы, позволяющей понять логику изучаемых событий. В моей книге роль такого «стержня» играло понятие политического кризиса, первая фаза которого – династический кризис – пришлось на 1530-е гг. Однако проблема династического кризиса – его причины, фазы и последствия – в новейшей литературе не обсуждается. В итоге книга В. В. Шапошника распадается на несколько мало связанных друг с другом эпизодов.

Эпоха 1530-х гг. продолжает таить немало секретов, и разгадать их, по моему убеждению, можно лишь на основе тщательного анализа всего комплекса сохранившихся источников и с учетом наблюдений, накопленных исторической наукой за многие десятилетия изучения этой темы.

¹⁸ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8.

¹⁹ РГАДА. Ф. 375. 1537 г. Д. 1.

Литература

- Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 2 (40). С. 41–55. [Бенцианов, 2010а]
- Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 3 (41). С. 55–68. [Бенцианов, 2010б]
- Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76.
- Бенцианов М. М. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 1 (51). С. 17–26.
- Бенцианов М. М. Служилые элиты Московского государства. Формирование. Статус. Интеграция. XV–XVI вв. М., 2021. 254 с.
- Кобрин В. Б. Опыт изучения семейной генеалогии (Протопоповы – Мезецкие – Пронские) // ВИД. Л., 1983. Т. 14. С. 50–59.
- Корзинин А. Л. Регентский совет при малолетнем Иване Грозном // Клио. Журнал для ученых. 1999. № 3 (9). С. 105–107.
- Корзинин А. Л. Политическая борьба в России в годы боярского правления (1533–1538) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2007. Вып. 4. С. 19–29.
- Корзинин А. Л. К вопросу об Опекуном совете при малолетнем Иване IV // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. Вып. 2. С. 5–16.
- Кром М. М. Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутривосточной борьбе конца 1533 – 1534 года // Отечественная история. 1996. № 5. С. 34–49.
- Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. 888 с.
- Пресняков А. Е. Завещание Василия III // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 71–80.
- Сергеевич В. И. Древности русского права. Изд. 3-е. СПб., 1908. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. XII, 654 с.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. 573 с.
- Шапошник В. В. К вопросу о завещании Василия III // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2009. Вып. 2. С. 21–28.
- Шапошник В. В. Арест Юрия Дмитровского // Труды кафедры истории России с древнейших времен до начала XX века. СПб., 2012. С. 614–637. [Шапошник, 2012а]
- Шапошник В. В. К вопросу о событиях августа 1534 года // Русское средневековье. Сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 351–374. [Шапошник, 2012б]
- Шапошник В. В. «Мятеж» Андрея Старицкого (осень 1536 – июнь 1537 г.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 174–212.
- Шапошник В. В. Придворная борьба в Русском государстве 30-х годов XVI века. СПб., 2020. 296 с.
- Юрганов А. Л. Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533–1538 гг.). М., 2019. 192 с.
- Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953. 368 с.
- Halperin C. J. Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish. Pittsburgh, PA, 2019. 365 p.

References

- Bentsianov, M. M. Sluzhilye lyudi knyazya Yuriya Dmitrovskogo [Service Class of Prince Yuri Dmitrovsky]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2010. No. 2 (40). Pp. 41–55. [Bentsianov, 2010a]
- Bentsianov, M. M. Sluzhilye lyudi knyazya Yuriya Dmitrovskogo [Service Class of Prince Yuri Dmitrovsky]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2010. No. 3 (41). Pp. 55–68. [Bentsianov, 2010b]
- Bentsianov, M. M. Dvor knyazya Andreyea Staritskogo i problema “staritskogo myatezha” 1537 g. [The Court of Andrei Staritskii and the Problem of “Staritskii Mutiny” of 1537]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2012. No. 4 (50). Pp. 64–76.
- Bentsianov, M. M. Dvor knyazya Andreyea Staritskogo i problema “staritskogo myatezha” 1537 g. [The Court of Andrei Staritskii and the Problem of “Staritskii Mutiny” of 1537]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2013. No. 1 (51). Pp. 17–26.

- Bentsianov, M. M. Sluzhilye elity Moskovskogo gosudarstva. Formirovanie. Status. Integratsiya. XV–XVI vv. [The Service Elites of the Muscovite State. The Formation, Status and Integration. The 15th–16th Centuries]. Moscow, 2021. 254 p.
- Halperin, C. J. Ivan the Terrible: Free to Reward and Free to Punish. Pittsburgh, PA, 2019. 365 p.
- Kobrin, V. B. Opyt izucheniya semeinoi genealogii (Protopopovy – Mezetskie – Pronskie) [An Essay in Family Genealogy Studies: Protopopovs – Mesetskies – Pronskies]. In *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Leningrad, 1983. Vol. 14. Pp. 50–59.
- Korzinin, A. L. Regentskii soviet pri maloletnem Ivane Groznom [The Regency Council during Ivan's the Terrible Infancy]. In *Klio. Zhurnal dlya uchenykh*. 1999. No. 3 (9). Pp. 105–107.
- Korzinin, A. L. Politicheskaya bor'ba v Rossii v gody boyarskogo pravleniya (1533–1538) [The Political Struggle of Boyar Clans in Russia in 1533–1538]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2007. Issue 4. Pp. 19–29.
- Korzinin, A. L. K voprosu ob Opekunskom sovete pri maloletnem Ivane IV [On Regent Council during Ivan IV's Infancy]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2014. Issue 2. Pp. 5–16.
- Krom, M. M. Sud'ba regentskogo soveta pri maloletnem Ivane IV. Novye dannye o vnutripoliticheskoi bor'be kontsa 1533 – 1534 goda [The Fate of the Regency Council during Ivan's IV Infancy. New Evidence on the Inner Political Struggle at the End of 1533 and in 1534]. In *Otechestvennaya istoriya*. 1996. No. 5. Pp. 34–49.
- Krom, M. M. “Vdovstvuyushchee tsarstvo”: Politicheskii krizis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka [“The Widowed Tsardom”: The Political Crisis in Russia in the 1530s and 1540s]. Moscow, 2010. 888 p.
- Presnyakov, A. E. Zaveshchanie Vasiliya III [The Testament of Vasily III]. In *Sbornik statei po russkoi istorii, posvyashchennykh S. F. Platonovu*. Petrograd, 1922. Pp. 71–80.
- Sergeevich, V. I. Drevnosti russkogo prava [Antiquities of Russian Law]. 3rd edition. Saint Petersburg, 1908. Vol. 2. Veche i knyaz'. Sovetniki knyazya. XII, 654 p.
- Shaposhnik, V. V. K voprosu o zaveshchaniy Vasiliya III [On Vasily III's Will]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriya*. 2009. Issue 2. Pp. 21–28.
- Shaposhnik, V. V. Arest Yuriya Dmitrovskogo [The Arrest of Yury Dmitrovsky]. In *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do nachala XX veka*. Saint Petersburg, 2012. Pp. 614–637. [Shaposhnik, 2012a]
- Shaposhnik, V. V. K voprosu o sobyitiyakh avgusta 1534 goda [On the Events of August, 1534]. In *Russkoe srednevekov'e. Sbornik statei v chest' professora Yuriya Georgievicha Alekseeva*. Moscow, 2012. Pp. 351–374. [Shaposhnik, 2012b]
- Shaposhnik, V. V. “Myatezh” Andrey Staritskogo (osen' 1536 – iyun' 1537 g.) [“Mutiny” of Andrey Staritskiy (Autumn of 1536 – June, 1537)]. In *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. No. 1. Pp. 174–212.
- Shaposhnik, V. V. Pridvornaya bor'ba v Russkom gosudarstve 30-kh godov XVI veka [The Court Struggle in the Russian State in the 1530s]. Saint Petersburg, 2020. 296 p.
- Skrynnikov, R. G. Tsarstvo terrora [The Tsardom of Terror]. Saint Petersburg, 1992. 573 p.
- Yakubinskii, L. P. Istoriya drevnerusskogo yazyka [History of the Russian Language]. Moscow, 1953. 368 p.
- Yurganov, A. L. Politicheskaya bor'ba v gody pravleniya Eleny Glinskoi (1533–1538 gg.) [The Political Struggle during the Rule of Elena Glinskaya, 1533–1538]. Moscow, 2019. 192 p.

Mikhail M. Krom

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia.

CONTROVERSIAL ISSUES OF THE RUSSIAN POLITICAL HISTORY IN THE 1530S

The paper presents a critical survey of the most recent scholarship focused on the key issues of Muscovy's political history in the 1530s. The problems discussed range from the mystery of Vasily's III last will and the names of the trusted councilors he left as custodians of his wife and sons to the circumstances of Prince Yury Dmitrovsky's arrest, and from the so-called Staritsky revolt to the foundations of Elena Glinskaya's rule and its connection to the dynastic crisis of the time. Special attention is paid to “fontological” and institutional aspects of the aforementioned problems.

Keywords: Muscovy, dynastic crisis, appanages, Elena Glinskaya, prosopography, source criticism

